

«Прежде чем писать, нужно жить».

Антуан де Сент-Экзюпери

Глава первая

Зима 1913 года

В небольшом прокуренном зале было тесно, душно и нервно. Публика выражала большое неудовольствие тем обстоятельством, что уже как две четверти часа прошли в томительном ожидании. Ожидали давно обещанное издательством «Словеса» выступление известной столичной писательницы, сочинительницы модных романов госпожи Крупениной-Иноземцевой. Билеты были раскуплены давно и разошлись тотчас же. Те же, кто не имел билетов, но страстно желал воочию поглазеть на своего кумира, томились в передней, подпирали стены коридоров, справедливо полагая, что им все же удастся хоть краем глаза взглянуть на обожаемое существо. Иные, имевшие критическое отношение к творчеству писательницы, были настроены боевито, желая лично высказать автору свое презрение и заклеить пошлость и мелодраматичность ее творений. Правда, поклонников было явно превосходящее большинство. С букетами, книгами, на которых они желали получить

вожделенный автограф, фотографиями госпожи писательницы, они заранее заняли свои места. И вот теперь и те, и другие выражали явное беспокойство и досаду от того, что ее все еще не было. Возбуждение публики нарастало еще и потому, что накануне стало известно о некоторых трагических обстоятельствах в семействе сочинительницы, о понесенных ею глубоких утратах. И посему желание присоединиться к ее страданию усугубляло нервность почитателей. Ведь всем известно, что наиболее интересен известный обществу человек именно тогда, когда он уязвим своим горем, страданием, отчаянием. А уж если речь идет о сочинительнице романов, над которыми рыдали в подушку и барыни, и их горничные по всей столице и окрестностям, то можно понять волнение публики!

Однако же, сколько можно томиться, господа устроители, пора и честь знать! Заждались мы!

И тут вдруг, когда раздалось даже некоторое подобие недовольного улюлюканья, вдоль первого ряда торопливо пробежал служитель с тяжелым канделябром в руке. Он установил его на краю небольшой сцены, зажег свечи, заботливо пододвинул кресло с высокой спинкой, стоявшее до этого сиротливо в самом углу. Кресло оказалось перед небольшим столиком, накрытым скатертью до пола; маленький изысканный букет из орхидей украшал овальное пространство стола.

Публика замерла, в зале повисла томительная тишина, в которой отчетливо слышались торопливые легкие шаги. Из-за бархатных кулис появилась долгожданная писательница. Она сделала несколько ша-

гов по сцене, остановилась, словно для того, чтобы ее лучше рассмотрели. А, скорее всего, просто для того, чтобы осмотреться самой, почувствовать зал, публику, настроение с первых же мгновений. Раздались хлопки, немногочисленные, чуть раздраженные, скорее как дань уважения собственному терпению. Писательница кивнула и поспешно присела в кресло, словно у нее не было сил стоять, несколько раз провела по скатерти рукой, чуть прищурилась и улыбнулась, светло, просто, искренне. Как старым друзьям, извините, мол, меня, мои хорошие, терпеливые! Зал заплодировал. Некоторые, особенно торопливые, не вынеся томительного ожидания, поспешили с букетами и подношениями, не дожидаясь конца выступления. Другие наставили лорнеты, желая в лице молодой женщины узреть следы пережитого страдания, дабы потом выискать это в новом романе.

— Нуте-с, господа, я пришла, и я готова к вашим вопросам! — Голос у Крупениной-Иноземцевой оказался приятный, теплый, мягкий, с располагающей интонацией, словом, именно таким голосом и должно рассказывать чудесные истории.

Сама же Юлия Соломоновна была небольшого роста, тонкая в талии, словно юная девушка, а не женщина, родившая троих детей. Темные волосы ниспадали до плеч, а голову украшала маленькая шляпка, столь крохотная, что непонятно, как она вообще там держалась. Платье писательницы, сжимавшее ее в талии как осу, с длинным шлейфом, на первый взгляд казалось черным, а в иной момент как будто глубоко синим. Из украшений только массивный серебря-

ный браслет охватывал тонкое изящное запястье. Дамы с жадностью отмечали для себя все детали туалета любимицы, пылливо вглядывались в ее лицо.

Все черты лица Юлии Соломоновны были маленькими, словно их рисовали тоненькой кисточкой, но художник проявил большое мастерство в сложной работе. Глаза на первый взгляд казались невыразительными, небольшими. Но только в первый миг, потому что в следующее мгновение хотелось смотреть в них вновь и вновь, насколько хороши и ярки оказывались эти сапфировые глаза.

Утолив первое любопытство, разглядев гостью с ног до головы, публика ринулась задавать вопросы, которые посыпались со всех сторон, да так ретиво, что устроители с трудом наводили порядок.

— Господа, да имейте же терпение!

— Соблаговолите соблюдать очередь и порядок!

— Не извольте размахивать руками и кричать, глухих нету!

— Не перебивайте, сударь!

Юлия Соломоновна отвечала с нежной улыбкой и смотрела на своих почитателей, как мать на шаловливых детей. Те же, которые непременно хотели ей досадить неприятными вопросами, оказывались сущими дураками в глазах соседей и в своих же собственных, потому как писательница непостижимым образом находила такие ответы на самые каверзные, а другой раз и грубые вопросы, что количество их довольно быстро иссякло. Ведь как по обыкновению бывает, тот, кто хочет покрасоваться острым словцом, стремится не истину узнать, а себя вперед выставить.

— Госпожа Иноземцева, ваши романы полны такой интриги, что диву даешься, и как это вы такое выдумываете?

— Интрига не самое главное. Это как приправа, нет, скорее соус к блюду. Она придает особый вкус, аромат основной идее, помогает обрисовать характер героев. Главное для меня понять психологическую историю, что связывает или разделяет героев, мучает их, возвышает, о чем они страдают, к чему стремятся.

— И как же сие происходит?

Сочинительница замялась. Этот вопрос ей задавали без конца. И всякий раз она говорила правду, в которую никто никогда не верил.

— Ей-богу, не знаю, как объяснить, но все, что я пишу, проходит перед моим мысленным взором, точно я вижу это в реальности. Мои герои для меня совершенно живые люди. Я слышу их голоса. Я вижу их, иногда мне кажется, что могу и осязать. Порой мне не надо ничего придумывать, я только беру перо в руки. А оно уже мчится по бумаге со скоростью поезда. Только успевай донести руку до чернильницы!

— Экая вы счастливица! Значит, вам не ведомы муки творческого кризиса, когда нету сюжетов и за день, за месяц не намучаешь и трех слов?

Юлия Соломоновна с некоторой тревогой взглядела в лицо задающего вопрос. Не свой ли брат писатель с ревнивым интересом?

— Отчего же, и у меня бывают пустые для творчества дни, недели, а то и месяцы. Я сторонница господина Соловьева, нашего известного философа, кото-

рый утверждает, что творчество — это божественное откровение, мистический экстаз. А разве такое бывает по расписанию?

— Значит, вы мните себя избранницей Божией, коли полагаете, что вашей рукой водит Божественное провидение? — продолжал саркастический собеседник.

— Полно, сударь, — сочинительница как будто даже испугалась, — я не столь самонадеянна для подобных заявлений. Каждый сам понимает свои отношения с Богом. И потом, у нас здесь не богословский диспут!

— А все же, как же сюжеты, откуда вы черпаете их, столь замысловатые? — раздались другие голоса менее искушенных почитателей.

— Вы не поверите, но все, о чем я пишу, это моя жизнь, это все про меня, но только иносказательно. Какие-то жизненные наблюдения, обстоятельства — вот и толчок. И пошло-поехало!

— Трудно поверить, вы ведь достаточно молоды, откуда у вас столько жизненного опыта, чтобы хватило на множество книг и сюжетов?

Писательница слегка рассмеялась.

— Иногда довольно малого. Необычное лицо прохожего, испуг от темного угла, зловещий шелест листвы, любовная парочка в сквере. Да мало ли что! Жалкая собачонка под дождем, история, рассказанная в светской гостиной. Все это — мое сокровище, все мне пригодится!

Вопросы все продолжались, публика не унималась. Хотя было совершенно заметно, что молодая

женщина с приветливой улыбкой на лице, с мягким голосом и скупыми жестами, все же внутренне напряжена, все разговоры даются ей с трудом. И только большой опыт подобных встреч дает ей возможность продолжать беседу с залом.

— Значит, все, о чем вы пишете, это про вас саму? Это про вашу любовь или нелюбовь. Про ваши тайные желания, благопристойные, как и подобает жене и матери семейства, или преступные, гадкие, неприличные, темные?

Писательница вздрогнула всем телом, словно ее ударили хлыстом. Она устремила свой взор в самый конец зала, откуда, как ей показалось, донеслись последние слова. Там, среди разгоряченной толпы, почти у самого входа она снова увидела Его! Худая прямая фигура, закутанная в черное. Да, конечно, это опять он, тот же хриловатый отвратительный голос, похожий на карканье вороны. Только теперь громко, невыносимо громко, так что застучало в ушах. Нет, я не боюсь тебя! Тебя нет, ты морок, наваждение, призрак! Это кажется, опять только кажется!

— Вы утверждаете, что вашей рукой водит божественное провидение? Наивные верят! А нет ли тут лукавства? Нет ли тут иной руки? Дьявольских сил? Мы знаем из истории человечества, что некоторые, в погоне за славой и чистоганом, готовы к любой жертве, заложить хоть свою душу, хоть ближнего! — продолжил зловещий незнакомец.

Она хотела ответить, но слов не было. Звук застрял в горле, она не могла вдохнуть, только взмах-

нула тонкой рукой с тяжелым браслетом в сторону черного собеседника. Толпа загудела, хотела схватить наглеца и призвать его к ответу за уж слишком непристойный вопрос.

— Экий мерзавец, так обидеть порядочную даму!

— Начитался «Мефистофеля», умник!

— Взашей его, негодника!

— Нет, господа, а ведь это прелюбопытнейший вопросец! Пусть-ка госпожа сочинительница ответит!

— Да полноте вам, вы что, в Священном Синоде?

Устроители ринулись к выходу. Началась суетолока. А незнакомец извернулся ужом и исчез, словно и не было его тут, рядом.

— Господи! Да изловите же его, избавьте меня от этого мучителя, от этого кошмара! — простионала Юлия Соломоновна и стала оседать на пол.

В первых рядах образовался большой переполох. Всякий желал лично помочь писательнице, привести ее в чувство, подать воды, вынести на руках к экипажу. Те, что были у дверей, устремились в поисках таинственного злодея, образовался затор, крики. Некоторым из присутствующих, наиболее впечатлительным, почудился запах серы! На улице раздавались свистки городского.

При том, что на уме у каждого был вопрос, что же имела в виду сочинительница? Что за такой злодей нашелся на ее голову? На что он намекал и тем самым поверг несчастную в глубокий обморок? Уж не обошлось ли тут и впрямь без дьявольского умысла?

Глава вторая

Зима 1913 года

Константин Митрофанович Сердюков, следователь петербургской полиции, по обыкновению просматривал столичные газеты. Он давно взял себе за правило почитывать и «Петербургский листок», и «Санкт-Петербургские ведомости», и прочее, что попадет под руку.

Газетчики, ясное дело, всякой ерунды напишут, воды нальют, чепухой сдобрят. Но иногда да и промелькнет что-нибудь вроде неприметненькое, незначительное на первый взгляд. А потом — раз, и выплывет в самый неожиданный момент что-нибудь эдакое, что поможет разгадку разрешить или точку в деле поставить. Сердюков обладал удивительной памятью. Он помнил всё и всех. Даже ничтожные личности и физиономии, детали, слова оставались в его памяти и всплывали в нужный момент. Коллеги устали дивиться его способности и совершенно привыкли. Кто-то что-то запомнил — ступай к Сердюкову, он точно вспомнит!

Правда, когда дело доходило до раздачи наград и орденов, тут у всех разом память отшибало окончательно. А он о себе как-то стеснялся особенно начальству досаждать. Стыдно говорить всем, что ты хорош, ты профессионал, без тебя они как без рук. То бишь без головы. Ах, да что там! Полно! Опять жалость к самому себе в голову лезет? Ну-ну, стыдно, батенька! Еще посетуй, что женщины тебя обходят сторо-

ной. Нету ни жены, ни детей. Нет родной любимой души, к которой можно прислониться, понежиться...

Фу ты, распустил слюни! Давай-ка, что у нас там нынче пишут?

И следовательно сердито зашуршал газетой. Но то, что он прочитал, повергло его еще в большее раздражение. Экая галиматья, Матерь Божия!

«Вчера в помещении Зала-Буфф состоялось примечательное событие, — бойко сообщал репортер. — Примечательно оно было по всем статьям. С одной стороны, на этом собрании перед почитателями выступила всем известная в городе писательница госпожа Крупенина-Иноземцева, дочь издателя Соломона Иноземцева, супруга почетного гражданина промышленника Саввы Крупенина. Нет нужды представлять читателям ее творчество. Достаточно посетить любую лавку и по сходной цене приобрести пяток романов. Все они будут о тяготах любви, поисках духовного сближения любящих или, наоборот, — их побеге в разные стороны. Терзания, страдания. Море слез. Страсти-мордасти. Убийства, колдовство, тайны-перетайны. И черт знает еще чего намешано. Голова кругом, когда читаешь, и, честно говоря, не оторваться от этого литературного зелья. Добежал как сумасшедший до последней строчки, отложил книжку и подумал, зачем читал? Неужто нету иных серьезных, глубоких, познавательных книг, лечащих душу, развивающих нравственность и ум? Так ведь нет, нам подавай такое, чтоб дух захватывало, как от скачки верхом. Чтоб глаз не сомкнуть и потом долго перебирать в памяти прочитанное. А что оно? Да все только фантазии небес-

таланной дамочки. И только-то! А где воспитание, спрашиваю я вас? Где слово, ведущее к истине? Нет теперь такого. А если и есть, то столь малое, что и не видеть без лупы. Да и читать скучно, скажет иной, полистав и отбросив в угол книгу умную, без всяких там затей и завлекательства. А героиня наша потому почивает на лаврах, что папенька ее видный издатель. Вот и печатает свою дочь огромными тиражами и потчует публику низкопробной чепухой. Впрочем, сие только личное мнение вашего корреспондента, при нем и остаюсь. Жаждающие могут составить себе собственное представление.

Итак, госпожа писательница осчастливила своих поклонников личной беседой, во время коей ей были заданы многочисленные вопросы, ответы на которые мы предлагаем нашим читателям».

Далее шел подробный пересказ вопросов и ответов, и снова комментарий репортера.

«Юлия Соломоновна, как мы знаем, не так давно лишилась одного из своих троих детей, и посему публика отметила на лице ее явные следы перенесенной утраты. Однако волшебница слова ничем не выдала своих страданий. Более того, многие подозревают, что горе только усугубит силу ее таланта, читатели надеются обнаружить в следующих произведениях море слез, бездну страданий, вихри и бури страстей, коих и так предостаточно в ее творениях. Смеею заметить, что наличие в книжных лавках и библиотеках такой, с позволения сказать, «литературы» весьма сомнительно отражается на душевном здоровье читающих, особенно женского пола. Многие, начи-